
УДК 316.47

DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.02

ЯКИМОВА Е.В.* ОДИНОЧЕСТВО И ЧУВСТВО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ. (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены новейшие социально-психологические и социологические трактовки феномена одиночества в обществе позднего модерна, характерные для социального знания последнего десятилетия. Анализируются интерпретации генезиса и природы одиночества как «болезни XXI века», включая как теоретические и эмпирические аспекты проблемы, так и вопросы социальной политики в странах Западной Европы и Австралии.

Ключевые слова: одиночество; принадлежность; социальная изоляция; жизнь-в-одиночку; уединение; жизненный цикл; социальная география; географическая психология; феминизм; неолиберализм.

Для цитирования: Якимова Е.В. Одиночество и чувство принадлежности : новые концептуальные и эмпирические подходы. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 16–41. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.02

Статья поступила: 08.05.2023.

Принята к публикации: 15.06.2023.

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; e.yakimova2011@yandex.ru

YAKIMOVA E.V.** Loneliness and sense of belonging: new conceptual and empirical approaches. (Literature review)

Abstract. The review presents the recent socio-psychological and sociological interpretations of the phenomenon of loneliness in late modern society, characteristic of social knowledge of the last decade. Interpretations of the genesis and nature of loneliness as a «disease of the 21st century» are analyzed, including both theoretical and empirical aspects of the problem and social policy issues in Western Europe and Australia.

Keywords: loneliness; belonging; social isolation; living alone; solitude; life cycle; social geography; geographical psychology; feminism; neoliberalism.

For citation: Yakimova E.V. Loneliness and sense of belonging: new conceptual and empirical approaches. (Literature review). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology].* – 2023. – N 3. – P. 16–41. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.02

Received: 08.05.2023.

Accepted: 15.06.2023.

В настоящий обзор вошли публикации 2021–2022 гг., касающиеся темы одиночества в современном мире. Данные публикации носят мультидисциплинарный характер и дают представление о направлениях эмпирических и теоретических исследований природы и генезиса одиночества как явления, которое в XXI столетии все чаще называют «эпидемией» или «болезнью века», подлежащей лечению, в том числе – путем пересмотра социальной политики. Помимо традиционного социологического и социально-психологического осмысления феномена одиночества в терминах жизненного цикла, социальных связей и межличностных отношений (как факторов, усугубляющих либо нивелирующих субъектив-

** Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e.yakimova2011@yandex.ru

ное ощущение социальной изоляции и исключенности из жизни), авторы статей, вошедших в обзор, рассматривают также практические аспекты проблемы. Наибольший интерес в этом отношении представляет анализ одиночества в терминах пространственной и временной вовлеченности, социальной географии и географической принадлежности, феминистской теории, а также с учетом новых социально-политических стратегий на уровне национальных правительств (Австралия, Великобритания, Германия). Исследователи оказались единодушны в том, что феномен одиночества претерпевает существенные изменения в эпоху неолиберализма, мультикультурализма и глобализации, приобретая все более масштабный характер, в особенности на фоне удлинения индивидуального жизненного цикла. В этой связи авторы публикаций предлагают те или иные варианты «противостояния одиночеству», начиная с нетривиальных способов концептуализации этого явления и заканчивая конструктивной критикой социально-политических стратегий на уровне государственных институтов.

В статье австралийцев Э. Франклина (Университет Южной Австралии, г. Аделаида) и Б. Трантера (Университет Тасмании, г. Хобарт) одиночество рассматривается через призму межличностной и социальной принадлежности (*belonging*), или вовлеченности в тот или иной контекст значимых контактов и отношений [Franklin, Tranter, 2021]. Чувство принадлежности, поясняют авторы, отражает потребность человека в совокупности взаимных связей самой разной природы (принадлежность к родственному клану, семье, соседской общине, месту пребывания, возрастной когорте, этническому или гендерному меньшинству / большинству и т.п.). Поскольку состояние одиночества так или иначе ассоциируется с дефицитом желаемого круга общения и «со-участия», его необходимой предпосылкой и / или следствием выступает неудовлетворенная потребность в «принадлежности». К сожалению, в социальной литературе двух последних десятилетий, касающейся глобального кризиса одиночества в эпоху позднего модерна, данный аспект одиночества, его генезиса и последствий (социальной изоляции и негативного личностного опыта) практически не упоминается. Франклин и Трантер предлагают заполнить этот концептуальный пробел, обратившись к междисциплинарным источникам (история, антропология, сравнительные культурные

исследования, этнография, социальная география и психология, миграционные исследования). Именно таким путем можно расширить границы традиционного прочтения темы одиночества и наметить практические пути для решения проблемы в контексте базовых составляющих чувства принадлежности. Для реализации этой задачи они выделяют следующие направления концептуализации опыта принадлежности и его эмпирических характеристик: а) культура, родство, этничность; б) аспекты принадлежности, выходящие за рамки собственно человеческого (non-human); в) принадлежность в ее географическом прочтении; г) временные и поколенческие параметры принадлежности.

Франклин и Трантер разделяют точку зрения социальных исследователей из разных дисциплин, согласно которой человеку в любой ситуации необходим хотя бы минимальный набор длительных, позитивно окрашенных, значимых межличностных отношений, вне которых он чувствует себя «находящимся за бортом» – изолированным от мира и одиноким [Franklin, Tranter, 2021, p. 58]. Если культурная обусловленность подобных отношений сегодня не вызывает сомнений, то культурная структурированность чувства принадлежности, а также его содержание, обусловленное традицией и историей, крайне редко обсуждаются в работах современных исследователей. Между тем именно эти аспекты вовлеченности / причастности / принадлежности приобретают особое значение в современном мультикультурном пространстве, в особенности в сообществах мигрантов. Как свидетельствуют работы антропологов прошлого столетия, культурные и традиционные паттерны родства и причастности сохраняют свою устойчивость даже в таких ситуациях, когда среда обитания, повседневная организация жизни и статусная иерархия претерпевают кардинальные изменения.

Ключевое значение для сохранения чувства принадлежности в иной культурной среде приобретают принятые в той или иной этнической и / или культурной группе принципы установления родства и родственных связей в пределах общины, клана, семьи и т.п. Существенную роль играют также форма организации домохозяйств и принятые гендерные роли. Авторы ссылаются на ряд полевых исследований повседневной жизни мигрантов в Австралии и США, в которых воссоздаются принципы исчисления родства

и организации семейно-родственных связей англо-австралийских, итальянских и африканских мигрантских сообществ [Towards an understanding ... , 2019]. В каждом из описанных случаев принадлежность (семье, клану, этносу) внутри сообщества мигрантов и характер адаптации к изменившимся условиям жизни предопределялись доминирующей исторической системой родства и культурно-специфическим толкованием автономии и свободы. Нуэры (выходцы из Судана) оставались верны принципу патрилинейных родственных связей, восходящих к единому предку-мужчине; здесь поддерживалась практика кровных связей (кровного родства) исключительно по мужской линии, четко фиксировавших принадлежность и вовлеченность в пределах родственного клана. Этот тип родственной принадлежности нуэры сохраняли и в последующих поколениях переселенцев, наводнивших Миннесоту и Небраску после трагических событий в Судане, противопоставляя чувству одиночества и заброшенности традиционную коллективную идентичность [Franklin, Tranter, 2021, p. 59]. Англо-австралийские и итальянские системы родства ориентированы на партнерские отношения и свободу, кровными родственниками в рамках этих систем, помимо детей и родителей, считаются только братья и сестры, а формы семейной принадлежности эгоцентричны и могут меняться на протяжении жизненного цикла индивида. Таким образом, пишут Франклин и Трантер, «адекватное осмысление и тем более изменение паттернов одиночества требуют учета специфических систем родства и норм общежития, которые структурируют потребности в принадлежности в пределах разных культурных групп» [ibid.].

Переходя к анализу не-человеческих параметров чувства принадлежности, авторы подчеркивают, что опыт успешной / неуспешной вовлеченности, равно как и опыт одиночества, не исчерпываются сферой «соприсутствия человека». Следуя философским идеям Делёза, пост-гуманистическим концепциям и принципам нового материализма, социальные исследователи сегодня все реже видят в «социальном» дискретную онтологическую единицу и все чаще обращаются к теме присутствия социального за границами собственно человеческого. Первостепенную роль в формировании именно таких аспектов чувства принадлежности играют следующие факторы: пространство; время; среда обитания

и ее воплощенные составляющие (материальные, технологические, эстетические); а также память и воспоминания.

Авторы иллюстрируют эти теоретические идеи данными, которые были получены в ходе двух национальных опросов, посвященных одиночеству в Австралии [Franklin, Tranter, 2008]. В перечне ответов о главной причине одиночества, который был предложен респондентам, фигурировали в том числе и такие варианты, как «не знаю» и «другое». К удивлению организаторов проекта, именно эти варианты оказались особенно популярны среди участников опросов: их выбрал 51% женщин и 61% мужчин (33% женщин и 36% мужчин предпочли ответ «другое»; 18 и 25% соответственно выбрали ответ «не знаю») [Franklin, Tranter, 2021, p. 60]. По мнению Франклина и Трантера, причины такого специфического выбора со стороны респондентов связаны с размыванием социальной приверженности и вовлеченности в условиях «текучей современности» (в терминологии З. Баумана). Прежние рычаги вовлеченности, такие как профессиональная востребованность, коллеги, партнеры, локальные сообщества, политические взгляды, сегодня уже не могут обеспечить того ощущения принадлежности, которое было характерно для предшествующих исторических эпох. Другими словами, социальные связи сохранили свой формальный характер, но их защитная сила перед лицом одиночества существенно ослабла [ibid.].

Респонденты не могли назвать конкретной причины ощущения изолированности от жизни именно потому, что таких причин оказалось слишком много, полагают авторы. Что же касается выбора «другое» как предпосылки чувства одиночества, то здесь, по всей вероятности, ключевую роль сыграли как раз не-человеческие факторы, которые отсылали участников опроса к тем или иным аспектам их прошлого (время и место, связанные с тем или иным этапом жизни; культурный ареал; язык общения). «Мы действительно можем чувствовать свою принадлежность к специфическому отрезку времени и культурному ареалу» и в этом контексте «конструировать чувство самой глубокой принадлежности к конкретному месту пребывания, временному периоду (детство, семья, однокурсники, коллеги), домашним животным, увлечениям (спорт, политика) или просто юности», замечают авторы [Franklin, Tranter, 2021, p. 60]. Чувство принадлежности, таким образом, состоит из

ансамблей, объединяющих элементы самой разной природы: это язык и литература, эстетический вкус и арт-объекты, политические пристрастия, тексты, ритмы, юмор, физические материалы (дерево, камень, железо, кирпич) и т.д. Такие ансамбли «формируют наш круг общения и делают для нас значимыми всех тех, кто разделяет наш образ жизни» [Franklin, Tranter, 2021, p. 60]. В своем предельном выражении чувство принадлежности может быть редуцировано до «исключительной вовлеченности в самого себя» – именно такой вариант принадлежности, в принципе исключающий одиночество, в наибольшей мере отвечает идеалу неолиберализма с его глубоко индивидуализированной трактовкой жизненных целей и стремлений, замечают Франклин и Трантер.

Особое место среди не-человеческих параметров принадлежности занимают временные и локальные ассоциации (среда обитания, контексты пребывания, поколение, память). С ними связаны такие атрибуты «включенности» и / или одиночества, как ностальгия и воспоминания, которые играют заметную роль в мироощущении пожилых людей, вынужденных переселенцев и мигрантов (тоска по ушедшим временам и дорогим местам). Несмотря на то, что подобные этнические и локальные сообщества обычно пытаются воссоздать на чужбине прежние формы домохозяйств и родственных отношений, привычный образ жизни и даже «структуру чувств», тоска по былым временам и знакомым пейзажам остается неизменным спутником эмиграции.

Особый интерес для социальных исследователей представляет печальный опыт возвращения переселенцев в родные края после длительной эмиграции, который, как правило, делает очевидной психологическую невозможность «возврата к истокам», усугубляя ностальгию и чувство социальной изоляции. В качестве примера материализовавшейся ностальгии Франклин и Трантер приводят итальянскую пьяццу – площадь, которая служит публичным местом досуга и общения местных жителей. Именно образ пьяццы олицетворял для итальянских переселенцев в Аделаиде «личностную принадлежность и вовлеченность», которых они лишились на чужбине и не смогли обрести вновь по возвращении на родину [Franklin, Tranter, 2021, p. 62]. Согласно данным эмпирических исследований, вынужденные переселенцы, а также студенты, обучающиеся вдали от страны происхождения, чаще жалуются на

разорванность прежних связей, чем на отсутствие новых друзей. Таким образом, резюмируют свои наблюдения авторы, можно с уверенностью предположить, что «устойчивое чувство принадлежности имеет в своей основе связи и привязанности разного генеза, включая материальные и нематериальные обстоятельства, условия, и отношения, выходящие далеко за пределы собственно человеческого» [Franklin, Tranter, 2021, p. 62]. В этой связи перспективным направлением осмысления одиночества и чувства принадлежности авторы считают социологический анализ таких мест локализации, которые, в сущности, являются «не-местами» – аэропортов, отелей, супермаркетов, моллов и тому подобных нейтральных территорий, не предполагающих ни вовлеченности в социальные отношения, ни групповой идентичности, ни ощущения включенности [ibid., p. 64].

Временной аспект чувства принадлежности тесно связан с территориальным: и тот, и другой участвуют в конституировании и сохранении устойчивого Я в калейдоскопе жизненных событий. Воспоминания, включая память о прошлых привязанностях (к людям, питомцам, улицам, домам, городам, поселениям), увлечениях, художественных и музыкальных пристрастиях и единомышленниках, играют первостепенную роль в оформлении психологического принятия / неприятия индивидом текущей реальности и радикальных социальных трансформаций. С этой точки зрения, ностальгию – как «тоску по прошлому» – можно рассматривать не столько в качестве инструмента личностной деструкции, сколько как резервуар новых сценариев соучастия в изменившейся жизни общества, уверены авторы. Как отмечает В. Мэй, существует по крайней мере две разновидности «принадлежности издалека» (belonging from afar) – временное замещение и временная миграция [May, 2017]. Первый способ вернуть прошлое и былые привязанности связан со стойким ощущением принадлежности, которое возникает в контексте общения либо любой социальной практики в момент возвращения в прежнюю, пусть изменившуюся, но некогда знакомую среду. «Изменившиеся места локализации, – поясняют авторы, – остаются источником чувства вовлеченности в момент их посещения даже в том случае, если этот опыт окрашен грустью и горечью утраты» [Franklin, Tranter, 2021, p. 65]. Второй способ связан с ностальгией по ушедшей эпохе, с ощущением своей принадлежно-

сти к «добрым старым временам», где остались давно покинувшие этот мир мать и отец, одноклассники, товарищи по университету, первая любовь, профессиональное становление и т.п. В определенной мере «временная эмиграция» связана с понятием поколенческой принадлежности и разделяемых со сверстниками жизненных и культурных ценностей, моды, поп-культуры и общей жизненной атмосферы. Этот аспект социальной изоляции часто присутствует в мироощущении обитателей домов престарелых, которые страдают не столько от дефицита общения, сколько от невозможности общаться с теми, с кем их объединяют общие воспоминания, ценности и увлечения, подчеркивают Франклин и Трантер [Franklin, Tranter, 2021, p. 66].

В завершение своей статьи австралийские социологи обращают внимание на тесную связь выявленных ими факторов дефицита вовлеченности как предпосылки одиночества с понятием текучей современности. Как показывают исследования последнего десятилетия, углубление социальной изоляции и чувства одиночества в современном неолиберальном обществе обусловлено широким спектром кардинальных социоструктурных изменений позднего модерна. Осмысление этих изменений (трансформации института семьи; новых форм организации мест досуга и отдыха; градостроительной политики; стандартов потребления; индивидуализированных ценностей) может стать серьезным практическим подспорьем для пересмотра государственной политики в отношении индивидов и сообществ, наиболее уязвимых в плане «дефицита включенности» и одиночества как его следствия [Franklin, Tranter, 2021, p. 67].

В продолжение темы не-человеческих (внешних, объективных) факторов одиночества группа исследователей из Германии и Великобритании под руководством С. Бюккер (Рурский университет в Бохуме, Германия) обсуждают возможную связь между чувством социальной изоляции и географическим местом проживания [In a lonely place ... , 2021]. Коллектив авторов намерен выяснить, насколько человек «одинок в уединенном месте», а также понять, влияет ли социальная география на «географическую психологию». Речь идет о том, в какой мере уровень экономического развития региона, характер инфраструктуры, доступность мест досуга и медицинских услуг сопряжены с субъективным чувством одино-

чества и количеством жителей, испытывающих дефицит социальных связей.

Одиночество как индивидуальная психологическая характеристика достаточно полно описана в специальной литературе, в том числе – в междисциплинарных исследованиях. Число публикаций, посвященных этому феномену, заметно возросло за последнее десятилетие на фоне стремительного увеличения количества одиноких людей в европейских странах, что вызывает озабоченность правительств, политических партий и общественных организаций (в частности, в ФРГ и в Великобритании). Однако новые публикации практически не затрагивают такой очевидный фактор генезиса одиночества, как географический регион проживания, замечают Бюккер и ее соавторы. Между тем «локальная специфика жизни» служит не менее значимой причиной дефицита социальных связей и социальной изоляции, чем традиционный анализ одиночества на уровне индивидуальной психологии и мировосприятия, и потому должна учитываться в рамках эффективной социальной политики [In a lonely place ... , 2021, p. 147].

В качестве теоретической базы исследования макрорегиональной специфики одиночества и его географического «распределения» авторы используют социально-экологическую перспективу. В рамках этой концептуальной схемы предметом анализа является воздействие на индивида (его чувства, поведение и мышление) «объективных физических и социальных параметров среды, а не их субъективного восприятия или толкования» [In a lonely place ... , 2021, p. 147]. В основе социально-экологического подхода лежит убеждение в том, что контекстуальные факторы макроуровня формируют тип и определяют направление процессов уровня индивидуального. Например, стремительные социальные изменения могут способствовать ощущению изолированности от новой социальной реальности, в которую индивид больше не вписывается.

Обзор исследований последних лет, в которых так или иначе присутствуют региональные измерения одиночества, показывает, что на данном этапе нельзя сделать однозначного вывода о характере влияния региональных (макроуровневых) структурных особенностей на ощущение социальной изоляции и одиночества. По мнению Бюккер и ее соавторов, собранные эмпирические данные

неоднозначны и противоречивы. Можно выделить несколько региональных аспектов одиночества, которые учитываются в новейших релевантных публикациях, сфокусированных на его индивидуально-психических параметрах. Это – возраст (возрастная когорта, поколение); плотность населения; удаленность; городская или сельская среда обитания; уровень экономического развития региона; инфраструктура. Так, пожилые австралийцы чувствовали себя одинокими как в плотно заселенных городских центрах с развитой инфраструктурой (Сидней, Мельбурн), так и в малонаселенных сельских районах Южной и Западной Австралии. В Канаде социальная изоляция оказалась наиболее типичной для регионов с низким уровнем экономического развития, однако такая зависимость прослеживалась только для людей преклонного возраста. Как показали эмпирические исследования, одиночество и социальная изоляция – это связанные, но отдельные реальности, так как первое состояние ассоциируется с объективными характеристиками среды обитания, а второе – с субъективной неудовлетворенностью объемом межличностных связей. Регионы с высокой плотностью населения, на первый взгляд, демонстрируют более низкий уровень одиночества, однако, как известно, условия большого города способствуют отчуждению, анонимности, более низкой социальной сплоченности, что вместе с быстрой социальной трансформацией усугубляет чувство социальной изоляции и одиночества (по сравнению с сельскими регионами). Например, в Финляндии девушки-подростки, живущие в селах, чаще говорили о том, что чувствуют себя одинокими, чем их сверстницы в больших городах; однако эта закономерность не прослеживалась в отношении сверстников-юношей. В Великобритании у респондентов, ощущавших себя одинокими, высокая плотность населения и городская среда ассоциировались с угрожающим уровнем преступности, депривации, социального неравенства и низким уровнем эмпатии. Между тем в Нидерландах те же самые характеристики городской среды обитания не являлись однозначными маркерами высоких показателей социальной изоляции и аномии. Социально-экономический статус региона, напротив, имел положительные корреляции с чувством одиночества в Нидерландах, но не был существенен для участников аналогичного исследовательского проекта в Великобритании [In a lonely place ... , 2021,

р. 148]. Таким образом, резюмируют свои наблюдения авторы статьи, можно констатировать, что исследования объективных (макрорегиональных и географических) параметров одиночества и их вероятной связи с субъективными (индивидуально-психическими) факторами социальной изоляции пока находятся в стадии становления.

В своем собственном коллективном эмпирическом проекте Бюккер и ее коллеги постарались учесть недостатки уже реализованных попыток сопоставить микро- и макропараметры одиночества, которые опирались на фрагментированные и нерепрезентативные данные. Поэтому они использовали сведения, собранные в ходе ежегодных общенациональных социально-экономических опросов в Германии, которые дают достоверное представление о населении страны с учетом базовых демографических характеристик, экономического и образовательного статуса и географического региона. Авторы использовали данные общегерманского панельного опроса за 2013 г. (как наиболее релевантные задаче осмысления феномена одиночества) – 17 602 респондента из 25 481 опрошенных [In a lonely place ... , 2021, p. 149]. Проект Бюккер включал два этапа. На первом (картирование одиночества в Германии) предстояло выяснить, действительно ли уровень одиночества имеет региональную специфику (путем количественного сопоставления процента людей, которые сочли себя одинокими или изолированными от жизни в разных географических регионах Германии). На втором этапе анализу подлежали индивидуальные особенности чувства одиночества в контексте макрорегиональных переменных. В фокусе внимания находились индивидуальные маркеры предрасположенности к одиночеству в их сочетании с локальной спецификой региона проживания. Сопоставлению подлежали возрастные, гендерные, образовательные, профессиональные, статусные и прочие стандартные социально-демографические личностные переменные, с одной стороны, и макропоказатели социально-экономического статуса региона, степени развития его инфраструктуры, плотности населения, преобладающего – городского или сельского – типа поселений, уровня депривации, роста / убыли населения, его возрастного состава, географической удаленности от культурных и образовательных центров – с другой. В ходе реализации своего проекта авторы стремились выяснить,

«действительно ли выявленная региональная специфика одиночества связана с макроконтекстуальными характеристиками либо эта специфика является всего лишь побочным продуктом индивидуальных особенностей чувства одиночества» [In a lonely place ... , 2021, p. 149]. Задача состояла в том, чтобы проследить вероятную связь между описанными в литературе индивидуально-психическими индикаторами – «предвестниками» одиночества и географической локализацией региона с учетом объективных параметров его социально-экономического развития.

По итогам проделанной работы Бюккер и ее коллеги пришли к следующим заключениям. Во-первых, региональное картирование одиночества продемонстрировало существенные различия между Восточной и Западной Германией; именно в восточных районах страны уровень одиночества и социальной изоляции значительно превышал средний показатель по стране. В Западной Германии картина оказалась менее однородной и с преобладанием одиноких людей на юге, юго-востоке и северо-западе региона. Эти различия обусловлены в том числе макроконтекстуальными факторами (меньшая плотность населения восточных территорий, и большая удаленность мест проживания значительной части резидентов от региональных центров по сравнению с большей однородностью этих переменных в западных регионах) [ibid., p. 150–151].

Во-вторых, анализ макроконтекстуальных факторов одиночества (в сопоставлении с переменными индивидуального уровня) свидетельствует о нелинейном характере связей между индикаторами одиночества в терминах индивидуальной и географической психологии. С одной стороны, конечные результаты настоящего проекта оказались столь же неоднозначными, что и выводы предыдущих исследований в этом направлении. Одни факторы указывали на однозначную связь с чувством одиночества (потеря близкого человека или супруга, пожилой возраст, миграция, гендер), тогда как влияние других оказалось менее очевидным либо противоречивым. В ряде случаев одни и те же индивидуально-психологические и макрорегиональные индикаторы одиночества вступали в противоречие (например, плотность населения, возраст, гендер, социально-экономический статус).

Несмотря на неоднозначные результаты, Бюккер и ее коллеги видят ценность своего исследования в «создании детализиро-

ванной и крайне интересной географии одиночества – географии, которая не исчерпывается примитивными сопоставлениями городской и сельской среды обитания» с их общеизвестными специфическими характеристиками [In a lonely place ... , 2021, p. 152]. Перечень таких характеристик пополнился переменными, имеющими ключевое значение для определения уровня одиночества (в том числе быстрый рост населения региона, стремительная социальная трансформация, реновация, эмиграция, иммиграция). К числу малосущественных факторов одиночества на макроуровне можно отнести удаленность, плотность населения, его возрастной состав, уровень экономического развития и социально-экономический статус (при том, что на индивидуальном уровне такие переменные, как возраст и статус, остаются значимыми факторами одиночества и социальной изоляции). В конечном счете, пишут в заключение Бюккер и ее коллеги, проведенное исследование показало, что для возникновения чувства одиночества «важно не только то, кем мы являемся или не являемся, но и место проживания». Поэтому, независимо от конкретных причин, породивших ощущение одиночества и социальной изоляции, «одиночество, по всей видимости, имеет тенденцию к региональной концентрации», что требует корректировки социальной политики на местах [ibid., p. 153].

Группа социальных психологов из Нидерландов во главе с Э. Хуттен (Открытый университет, г. Херлен) анализируют факторы риска, связанные с возникновением чувства одиночества на разных этапах жизненного цикла [Risk factors ... , 2022]. В соответствии с данными многочисленных эмпирических исследований, а также со стереотипами массового сознания и суждениями здравого смысла, возраст как таковой принято считать едва ли не самым очевидным фактором риска, когда речь идет о социальной изоляции: чем старше человек, тем уже его круг общения и мимолетнее социальные контакты. Однако на фоне этих утверждений открытым остается вопрос, как именно те факторы (социально-психические и демографические), которые обычно относят к разряду катализаторов одиночества, усугубляют либо нивелируют ощущение социальной изоляции и «выключенности из жизни» в зависимости от возрастного этапа жизненного цикла. Какие из этих факторов существенны в юности, а какие становятся ключевыми в зрелые годы или на склоне лет? Задача социального психо-

лога в таком случае состоит в том, замечают авторы статьи, чтобы выяснить, имеет ли чувство одиночества возрастную специфику и каким образом одни и те же «переменные риска» участвуют в формировании одиночества в зависимости от возраста.

Социальные исследователи и психологи чаще всего рассматривают два жизненных этапа в качестве наиболее уязвимых с точки зрения дефицита социальных связей и риска одиночества – подростковый возраст (ранняя юность, «заря жизни») и очень пожилой возраст (глубокая старость, «жизненный закат»). Не опровергая тезиса о том, что возрастные индикаторы являются едва ли не самыми значительными и «само собой разумеющимися» детерминантами одиночества, Хуттен и ее коллеги намерены выяснить, связаны ли факторы, усугубляющие одиночество и социальную изоляцию, с конкретной фазой жизненного цикла и в чем заключается эта вероятная связь. В качестве факторов риска в проекте нидерландских психологов фигурирует стандартный набор демографических и социально-психологических переменных (пол, возраст, уровень образования и доходов, социальный статус, чувство удовлетворенности жизнью, субъективное здоровье, тип профессиональной занятости, социальные контакты, семья, досуг, увлечения). Авторы выделяют три возрастных категории, которые, по их мнению, представляют интерес для сравнительного анализа факторов риска, ассоциированных с одиночеством: ранняя зрелость (молодость) – от 17 до 30 лет; зрелость (средний возраст) – от 30 до 64 лет; поздняя зрелость (пожилой возраст, старость) – 65 лет и старше [Risk factors ... , p. 1486]. В качестве эмпирического материала в проекте Хуттен использовались данные регионального опроса, проводившегося службой общественного здоровья нидерландской провинции Лимбург в 2016 г. Из общего числа респондентов, которые приняли участие в региональном опросе, были отобраны ответы 52 341 человека (53% из них – женщины) в возрасте от 17 лет до 101 года. Среди прочих тем, предлагавшихся участникам опроса, в анкетах фигурировала и оценка степени эмоционального и социального одиночества (по шкале от 0 до 11 баллов). Примером социального типа одиночества служил, в частности, такой вариант ответа: я чувствую, что вокруг меня слишком мало людей [ibid.].

В своей работе с отобранными данными нидерландские психологи учитывали следующие группы факторов риска: демографические переменные (возраст, пол, тип резиденции, миграционный статус, жизнь с партнером или в одиночку), показатели социально-экономического статуса (образование и финансовые ресурсы), наличие физического недостатка (инвалидность, увечье), психическое здоровье и душевное равновесие, участие в общественной жизни (оплачиваемая работа, волонтерство, неформальная забота о родственниках), частота межличностных контактов (семья, друзья, знакомые, коллеги), тип сетей общения (локальных, соседских и т.п.) [Risk factors ... , p. 1486].

Гипотеза авторов базируется на концепции количественной и качественной трансформации социальных контактов и интеракций на разных этапах жизненного цикла индивида. Нидерландские психологи также приняли во внимание такой показатель, как соответствие / несоответствие социальных отношений и интеракций индивида принятым в обществе социальным ожиданиям и временным нормативам применительно к тем или иным жизненным этапам (романтические отношения в юности; профессиональное становление и профессиональные контакты в молодости; семейные привязанности и социальное признание в зрелые годы). Очевидно, что любая длительная «задержка в пути», т.е. несоответствие поведения и социальных контактов индивида нормативным возрастным ожиданиям, может стать источником социальной стигматизации, эксклюзии и, как следствие, чувства одиночества. Другими словами, объем и направленность социальных и межличностных интеракций выступают побудительной силой для успешного / неуспешного перехода индивида с одной жизненной (возрастной) ступени на другую; минуя, по возможности, опыт одиночества. Поэтому рассмотрение феномена одиночества в терминах жизненного цикла позволяет понять, отличаются ли друг от друга факторы риска, характерные для разных возрастных групп. «Несмотря на то, что одиночество является пожизненным спутником человека, его истоки и причины должны варьироваться в зависимости от возраста», – поясняют свою позицию Хуттен и ее соавторы [ibid., p. 1483]. С учетом сказанного, задача настоящего эмпирического проекта – это скрупулезное изучение возрастного распределения одиночества на материалах репрезентативной национальной вы-

борки путем сопоставления многочисленных факторов риска в молодые, зрелые и преклонные годы.

Подводя итоги проделанной ими сопоставительной аналитической работы, авторы подчеркивают, что полученные результаты в принципе подтверждают тезис о линейной зависимости чувства одиночества от возрастного этапа жизненного цикла. Нашли статистическое и эмпирическое подтверждение и связи между возрастом, одиночеством и рядом параметров, которые можно отнести к факторам риска. Так, наивысшая степень субъективного одиночества была характерна для лиц мужского пола старше 85 лет, которые проживали в одиночку, имели проблемы со здоровьем, осуществляли неформальную заботу о тяжело немощном родственнике или супруге либо являлись вдовцами, испытывали дефицит локальных социальных связей и межличностных контактов.

Однако эти выводы не выглядят тривиальными, если принять во внимание существенные расхождения в возрастных измерениях общезначимых факторов одиночества, которые были выявлены в ходе анализа ответов респондентов, замечают Хуттен и ее соавторы. Следует также учесть, что, как выяснилось, в трех возрастных группах (молодость, зрелость, старость) роль одних и тех же катализаторов социальной изоляции существенно варьировалась, равно как и характер их взаимного влияния. Прежде всего, пожилой возраст (65+) как наиболее вероятный фактор одиночества оказывался решающим только в сочетании с другими переменными, сопряженными с социальной изоляцией (физическая немощь, склонность к депрессии, высокий уровень тревожности, принадлежность к мужскому полу). То же самое наблюдалось и в отношении двух других возрастных групп: как в ранней молодости (17–30 лет), так и зрелые годы (31–64 года) возрастные особенности проявляли себя в качестве факторов риска только на фоне переменных иного типа (физический недостаток, психическая лабильность, дефицит нормативных социальных и межличностных связей).

В глубокой старости, продолжают свои рассуждения авторы, первостепенное значение для возникновения прогрессирующего чувства одиночества (помимо болезней и физического угасания) приобретают масштабы и содержание социальных контактов на уровне локальных и соседских сообществ, то есть таких, которые

выходят за пределы рутинного (внутрисемейного, домашнего) общения. В ранней молодости, напротив, предвестниками одиночества могут стать семейные неурядицы и разрыв родственных связей, которые более или менее удачно компенсируются отношениями со сверстниками. Примечательно, что респонденты-мужчины демонстрировали бо́льшую уязвимость в плане социальной изоляции и одиночества, чем женщины (во всех возрастных категориях), которые компенсировали утрату близких отношений (супружеских, партнерских, семейных) новыми знакомствами со сверстницами. Вместе с тем женщины (опять-таки независимо от возраста) были более склонны к душевной нестабильности и депрессивным состояниям (как индикаторам разрыва социальных контактов), чем мужчины.

В конечном счете, пишут в заключение Хуттен и ее соавторы, можно сделать вывод о существовании ряда факторов, способствующих одиночеству, которые являются универсальными и сохраняют свое значение на протяжении всего жизненного цикла. Это душевное здоровье, частота и стабильность социальных контактов, тип сетей общения, бремя неформальной заботы, социально-экономический статус, а также гендерная принадлежность. Тем не менее, более корректно будет расценивать перечисленные факторы в качестве «ключевых коррелятов одиночества», которые специфичны для разных возрастных этапов жизненного цикла и проявляют себя в соответствии с жизненными ситуациями [Risk factors ... , p. 1499]. Наиболее вероятным объяснением универсальности факторов одиночества нидерландские психологи считают их способность оказывать прямое либо опосредованное влияние на межличностные отношения людей и их социальные контакты. Такое объяснение согласуется с классическим постулатом социальной психологии об универсальной определяющей роли межличностных и социальных интеракций для успешного психосоциального развития личности.

Э. Уилкинсон (Университет Саутгемптона, г. Лондон, Великобритания) обращается к анализу одиночества с позиций критической феминистской теории и задается вопросом о неоднозначности неолиберальных трактовок этого феномена как преимущественно индивидуального психического состояния на грани патологии и личностной деструкции [Wilkinson, 2022]. Феминистский подход,

поясняет свою точку зрения Уилкинсон, может предложить нечто большее, чем рутинные исследования воздействия одиночества на женщин. Феминизм помогает поставить под сомнение доминирующее в обществе неолиберальное «оформление» феномена одиночества в теории и на практике, когда чувство одиночества отождествляется с опытом жизни в одиночку и позиционируется как ощущение «обездоленности» в сфере социальных контактов и их «жажды» [Wilkinson, 2022, p. 23–24]. Усомнившись в правомерности неолиберальных рецептов для излечения «болезни века», феминистская критическая повестка может стать отправным пунктом кардинального пересмотра «трагического образа одиночки» и осмысления его в качестве элемента социоструктурной ценностной иерархии современного общества и потенциала для создания «иных миров» [ibid., p. 24].

Неолиберальное прочтение одиночества – это интерпретация его как личностного, профессионального и общественного фиаско в контексте гетеронормативного партнерства (семья, брак, супружество, совместное проживание, жизнь в паре) как залога успешной самореализации, в особенности женской. В этом смысле одиночество понимается как антитеза счастью в неолиберальной же его интерпретации: индивиду следует избегать одиночества и стремиться к расширению социальных связей.

Критический анализ доминирующего сегодня образа одиночества (в обыденном сознании, СМИ, литературе, науке, медицине) как «проблемы века» и «социальной эпидемии» представлен в статье в виде сопоставления феминистских исследований двух последних десятилетий и «современных британских реалий». Автор имеет в виду стратегию противодействия одиночеству, которую с 2018 г. осуществляет правительство Великобритании¹. Свою зада-

¹ Правительственная стратегия сокращения одиночества, нацеленная на борьбу с проблемой растущего числа одиноких людей в Великобритании, была представлена общественности премьер-министром Терезой Мэй в октябре 2018 г. (вскоре после опубликования итогового доклада комиссии депутата Джо Кокс, которая трагически погибла от рук экстремистов в 2017 г.). Стратегия была обозначена как первый этап долгосрочной политики противостояния одиночеству и сокращения его масштабов в стране. В рамках Министерства по делам спорта и гражданского общества была создана специальная министерская должность. На протяжении последних лет публиковались ежегодные отчеты о работе правитель-

чу Уилкинсон видит не столько в том, чтобы еще раз поговорить о природе одиночества и ответить на вопрос «что это такое», сколько в том, чтобы выяснить, «как это лечится» и насколько эффективен предложенный неолиберальный «антидот». Страх одиночества, сопровождающий неолиберальное толкование этого феномена и присутствующий как мотив в стратегической инициативе британского правительства, – это «жесткие тиски», которые сдерживают поиск иных, менее индивидуализированных и «зашоренных» способов интерпретации и решения проблемы, не заикленных на укреплении партнерских и социальных связей. Сложность состоит в том, подчеркивает Уилкинсон, что одиночество до сих пор не рассматривают как структурно обусловленный элемент устройства общества на принципах неолиберализма. Данная статья – это попытка переформатирования феномена одиночества в качестве структурной составляющей или социально-политического «обстоятельства», но не индивидуальной психологической неудачи личности, не вписавшейся в гетеронормативную систему ценностных и социальных координат неолиберализма [Wilkinson, 2022, p. 24].

В неолиберальной системе жизненных координат чувство одиночества четко ассоциировано с физическим состоянием «жизни-в-одиночку» (без пары, без семьи, без супруга, без партнера). С позиций гетерогенной нормативности «жизнь-в-одиночку» чревата риском потери социальных и романтических контактов и страхом «остаться одному». Одиноким человеком автоматически становится объектом сочувствия, сострадания и жалости – недаром одинокими в первую очередь считаются (и сами позиционируют себя в качестве таковых) вдовы и вдовцы, а также те, кто лишился семьи или партнера. Помимо сожаления, одиночество часто отождествляется с социальной и психопатологической девиацией, жестокостью и агрессией. Примером таких устойчивых социальных стереотипов может служить вызывающая усмешку «полубезумная кошатница» – женщина неопределенного возраста,

ства в этом направлении. Практическая реализация данной стратегии предполагает разработку статистической программы измерения одиночества и осуществление финансовой поддержки организаций и фондов (частных, благотворительных, общественных), а также соответствующих служб здравоохранения. Подробнее см.: [A connected society ... , 2018].

не преуспевшая на гендерном и социальном поприщах и заменившая контакты с миром общением с питомцами. Другой, более свежий мем – агрессивно настроенные инцелы, смертельно обиженные на женщин¹. Несмотря на то, что феминистские исследования содержат массу примеров социально адаптированной, профессионально успешной и психически уравновешенной женщины, которая сделала выбор в пользу жизни-в-одиночку, «призрак старой девы до сих пор бродит по закоулкам массового сознания», – подчеркивает автор статьи [Wilkinson, 2022, p. 27]. Кроме того, традиционные стереотипы затрудняют восприятие феминистских свидетельств того, что женщина, окруженная семьей и родственниками (например, мать семейства из пригорода), может испытывать отчуждение, одиночество и ощущение изолированности от мира. По мнению Уилкинсон, феномен инцелов и прочие гендерно окрашенные мемы неолиберальной культуры являются следствием «императива принудительного спаривания» и образа «токсичной маскулинности». Что же касается устойчивых тенденций к восприятию и социальной презентации себя в качестве трагического одиночки (например в контексте онлайн-интервью и опросов), то в значительной степени это обусловлено воздействием внешних, социально предписанных параметров жизни, где существование без пары однозначно трактуется в терминах одиночества. Другими словами, подобные самопрезентации и репрезентации не столько отражают внутренний мир рефлексирующего респондента, сколько воспроизводят неолиберальную систему ценностей, акцентирующих утрату нуклеарной семьи и общинной солидарности. В неолиберальной однолинейной цепочке жизненных этапов (соответствие гендерным стандартам → самореализация → социальная востребованность → жизнь в паре) одиночество может присутствовать только в виде кратковременного промежуточного этапа становления и поисков себя; в противном случае одиночка рискует стать трагической фигурой, вынужденной вести социально неприемлемый, саморазрушительный и даже опасный образ

¹ Инцелы (невольно воздерживающиеся) – представители современной онлайн-субкультуры, которые описывают себя как индивидов, не способных найти сексуального партнера, несмотря на сильно желание сделать это. Вину за вынужденное сексуальное воздержание инцелы целиком и полностью возлагают на женщин, призывая к актам физической мести и изнасилованиям.

жизни. Следовательно, резюмирует свои рассуждения Уилкинсон, «в современных неочевидных интерпретациях одиночества базовым тропом выступает тождество эмоциональных переживаний и физического состояния жизни-в-одиночку» [Wilkinson, 2022, p. 27].

Кроме фигуры трагического одиночки, в современной культуре присутствует еще один «пугающий» образ – социальная эпидемия одиночества, которая в XXI столетии достигла небывалых исторических масштабов и стала индикатором глобального социального кризиса, продолжает автор. Обсуждение одиночества в биомедицинских терминах (как неконтролируемой «болезни века», имеющей, помимо прочего, контагиозные свойства и грозящей распадом личности и социального порядка) набирает популярность в Великобритании с 2010-х годов. Именно эта тема задает общий тон документам, которые определяют правительственную стратегию сокращения одиночества в стране. В ежегодных министерских отчетах, касающихся мер по противодействию распространения одиночества, неизменно присутствует мотив серьезного финансового ущерба экономике Великобритании, вызванного ощутимыми материальными расходами систем здравоохранения и социального обеспечения. Речь идет о расходах на устранение таких последствий «эпидемии одиночества», как массовые депрессивные состояния, психическая девиация, дегенеративные изменения личности, вспышки агрессии, болезнь Альцгеймера и т.п. Как это ни парадоксально, продолжает Уилкинсон, правительственные меры по преодолению кризиса, вызванного неконтролируемым распространением одиночества, пронизаны скрытой ностальгией по нуклеарной семье и общинным связям, которые выступали основанием социального порядка патриархальных времен. Очевидно, что романтическая неолиберальная ностальгия в этом ключе оставляет за скобками неприглядные, дискриминационные реалии традиционной семьи и общины, включая насилие и гендерное и этническое неравенство как обыденные социальные практики. В правительственной программе противостояния одиночеству имплицитно присутствует утопическая надежда на то, что тенденции позднего модерна (трансформация института семьи и поведения людей в интимной сфере, кардинальное изменение репродуктивных стратегий в связи с возможностью для женщин получать об-

разование и занимать руководящие посты в разных сферах жизни общества) чудесным образом изменяют свое направление и повернут вспять в поисках утраченных ценностей. Подобные нарративы представляют стабильную нуклеарную семью и крепкие родственные и соседские связи как панацею от одиночества, игнорируя тот факт, что домашняя сцена была и остается ареной насилия, отчуждения и изоляции, замечает автор статьи. В этой связи одной из задач феминизма – как совокупности теорий и практик, нацеленных на устранение глобального социального неравенства, является «осмысление способов, посредством которых массовая паника, вызванная эпидемией одиночества, становится основанием для более масштабной, неоконсервативной и неолиберальной политической повестки, связанной с популяризацией традиционных семейных ценностей» [Wilkinson, 2022, p. 30].

В соответствии с этой повесткой британская правительственная стратегия противостояния одиночеству акцентируется на таких факторах, как личная ответственность граждан и сплоченность локальных сообществ: усилия в этом направлении должны стать главным орудием борьбы с ростом числа одиноких людей в стране. В рамках неолиберальной политической логики причиной эпидемии одиночества выступает фрагментация общества, которая, в свою очередь, обусловлена дестабилизацией института семьи и размытием социальных связей (коммунальных, соседских, общинных, локальных), поясняет Уилкинсон. В документах, освещающих правительственную стратегию в отношении одиночества, прямо говорится, что люди разучились заводить друзей, создавать семьи и расширять круг общения, поэтому они чувствуют себя одинокими. Как отмечается в одном из ежегодных отчетов профильного британского министерства, «создание более сплоченного общества, которое избавит нас от одиночества, зависит от нас самих» [цит. по: Wilkinson, 2022, p. 31]. Тем самым ответственным за решение проблемы одиночества становятся отдельный индивид и локальные сообщества. Другими словами, неолиберальная стратегия предполагает минимальное участие государства и государственных структур в решении поставленной проблемы.

Однако государственная «риторика увещеваний» упускает из виду (либо намеренно оставляет в стороне) финансовые и социально-экономические обстоятельства, которые усугубляют болезнь

одиночества в Великобритании и способствуют ее распространению. Автор имеет в виду политику жесткой экономии и связанный с ней кризис стоимости жизни в стране, усугубленный локдауном в период пандемии. В последние годы в рамках новой социальной политики происходит сокращение бюджетных ассигнований на содержание именно тех объектов социальной инфраструктуры, которые способствуют расширению круга общения людей и препятствуют чувству социальной и личной изоляции (публичные места досуга, общественные парки, центры психологической помощи и реабилитации, антикризисные организации, «убежища» и приюты и т.п.).

Лейтмотивом британской стратегии борьбы с одиночеством служит тезис о том, что одиночество не является способом дискриминации; тогда как эмпирические данные последнего десятилетия свидетельствуют об обратном. В списке одиноких людей и сегодня преобладают представители маргинальных и социально незащищенных групп, которые стали первыми жертвами мер жесткой экономии (одинокие матери, люди с низким уровнем образования и доходов, жертвы домашнего насилия, вынужденные переселенцы, инвалиды, мигранты, разделенные семьи). Неолиберальный «язык одиночества» используется там, где следовало бы говорить о социальной политике, о структурных проблемах и отчуждении в эпоху позднего капитализма. Этот язык маскирует глубокий социоструктурный и экономический кризис общества и сдерживает поиски альтернативных вариантов осмысления феномена одиночества, поддерживая доминирующий гетеропатриархальный дискурс, констатирует автор [Wilkinson, 2022, p. 32–33].

Главная задача переформатирования проблемы одиночества как актуальной темы политической повестки феминизма, пишет в заключение Уилкинсон, состоит в том, чтобы выйти за пределы ее «терапевтических» обсуждений в качестве «болезни, которую надо лечить». Следует задуматься о том, чтобы в фокусе дискуссии об одиночестве оказалось право человека быть одному, не впадая в романтизацию и идеализацию подобного выбора. Первый шаг в этом направлении – это отказ от отождествления таких понятий, как одиночество, жизнь-в-одиночку и уединение. В такой сравнительной трактовке одиночество как индивидуальный выбор становится потенциалом креативности и свободы. Второй шаг – это ос-

мысление одиночества как антипода чрезмерной близости, которая (как психическое и физическое состояние) характерна для членов этнических и прочих социальных меньшинств, преимущественно женщин, вынужденных работать в сферах ухода и социального обслуживания. Инклюзия и совместность позиционируются сегодня как неолиберальная тактика решения проблем неравенства и дискриминации. Однако, призыв к «объединению на фоне различий» не учитывает сложностей на этом пути для маргинальных и пограничных социальных групп, когда чрезмерная близость может привести к потере собственного Я. Поэтому с позиций феминизма одиночество следует рассматривать в его сопоставлении с процессом и результатом «разделения». Третий шаг в переосмыслении доминирующих сегодня интерпретаций одиночества – это попытка его концептуализации в качестве ресурса для создания иных, вообразимых миров в противовес отчуждению, изоляции и неудовлетворенности жизнью, резюмирует автор [Wilkinson, 2022, p. 33–35].

Список литературы

A connected society : a strategy for tackling loneliness – laying the foundations for change / Department for digital, culture, media and sport (DCMS). – London: HM Government, 2018. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/936725/6.4882_DCMS_Loneliness_Strategy_web_Update_V2.pdf (accessed: 01.05.2023).

Franklin A., Tranter B. Loneliness and the cultural, spatial, temporal and generational basis of belonging // Australian journal of psychology. – 2021. – Vol. 73, N 1. – P. 57–69.

Franklin A., Tranter B. Loneliness in Australia / Housing and community research. – Hobart : University of Tasmania, 2008. – Paper N 13. – URL: <https://library.bsl.org.au/jspui/bitstream/1/602/1/Loneliness%20in%20Australia.pdf> (accessed: 01.05.2023).

In a lonely place : investigating regional differences in loneliness / Buecker S., Ebert T., Gotz F.M., Entringer T.M., Luhmann M. // Social psychology and personality science. – 2021. – Vol. 12, N 2. – P. 147–155.

May V. Belonging from afar : nostalgia, time and memory // The sociological review. – 2017 – Vol. 65, N 2. – P. 401–415.

Risk factors of loneliness across the life span / Hutten E., Jongen E.M.M., Hajema K., Ruiter R.A.C., Hamers F., Bos A.E.R. // Journal of social and personal relationships. – 2022. – Vol. 39, N 5. – P. 1482–1507.

Towards an understanding of loneliness among Australian men : gender, cultures, embodied expression and the social bases of belonging / Franklin A., Neves B., Hookway N., Patulny R., Tranter B., Jaworsky K. // *Journal of sociology*. – 2019. – Vol. 55, N 1. – P. 124–143.

Wilkinson E. Loneliness as a feminist issue // *Feminist theory*. – 2022. – Vol. 23, N 1. – P. 23–38.

References

A connected society : a strategy for tackling loneliness – laying the foundations for change / Department for digital, culture, media and sport (DCMS). – London : HM Government, 2018. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/936725/6.4882_DCMS_Loneliness_Strategy_web_Update_V2.pdf (accessed: 01.05.2023).

Franklin A., Tranter B. Loneliness and the cultural, spatial, temporal and generational basis of belonging. *Australian journal of psychology*. – 2021. – Vol. 73, N 1. – P. 57–69.

Franklin A., Tranter B. *Loneliness in Australia* / Housing and community research. – Hobart : University of Tasmania, 2008. – Paper N 13. – URL: <https://library.bsl.org.au/jspui/bitstream/1/602/1/Loneliness%20in%20Australia.pdf> (accessed: 01.05.2023).

In a lonely place : investigating regional differences in loneliness / Buecker S., Ebert T., Gotz F.M., Entringer T.M., Luhmann M. *Social psychology and personality science*. – 2021. – Vol. 12, N 2. – P. 147–155.

May V. Belonging from afar : nostalgia, time and memory. *The sociological review*. – 2017. – Vol. 65, N 2. – P. 401–415.

Risk factors of loneliness across the life span / Hutten E., Jongen E.M.M., Hajema K., Ruiter R.A.C., Hamers F., Bos A.E.R. *Journal of social and personal relationships*. – 2022. – Vol. 39, N 5. – P. 1482–1507.

Towards an understanding of loneliness among Australian men : gender, cultures, embodied expression and the social bases of belonging / Franklin A., Neves B., Hookway N., Patulny R., Tranter B., Jaworsky K. *Journal of sociology*. – 2019. – Vol. 55, N1. – P. 124–143.

Wilkinson E. Loneliness as a feminist issue. *Feminist theory*. – 2022. – Vol. 23, N 1. – P. 23–38.